Новая газ. – 2003. – 3 июля. – С. 17.

ДЖА

Классическая музыка реггей похожа на своеобразный этнический блюз. Гармоническое движение, по своей природе напоминающее блюзовый квадрат, накладывается на особенный ритмический рисунок с акцентом на слабую долю. Ко всему этому добавляется душевное, чуть расслабленное пение на раста-религиозные тексты.

Своими напевами о поисках свободы и стремлении попасть в Зион — мистический город, куда, по преданию, должны вернуться все негры, Марли покорил мир.

И так покорил, что теперь музыкальное направление реггей развивают по мере сил музыканты всех стран. Порой даже забыв, откуда взялась вся эта музыка, под которую так приятно расслабляться.

В последнее время в России музыка реггей набирает популярность. Модно слушать Марли, модно носить шапочки желто-зелено-красного цвета (растаманские цвета экзотики духа), модно создавать группы, играющие в стиле «Джа растафарай».

Основатель старейшей русской реггей-группы Гера Моралес делает такую музыку, потому что исповедует растафарианство. Ребята из группы «Пятница» используют в композициях реггей-элементы, просто потому что нравится. И те, и другие — яркие и важные представители русской реггей-культуры.

● Ю. С.

Из манифеста российских растаманов

Автор – Гера Моралес
1991 ГОД

«Невероятно... И от этого даже мурашки — растафарианство в России! Смена строя в нашей стране позволила разглядеть аутсайдеров, и повсюду высветились растаманы. В Москве и Петербурге, Сыктывкаре и Алма-Ате, в Кёнигсберге и Симферополе: свободные и добрые, нищие и непунктуальные. Мы объединены единым движением, но разобщены многими конфронтациями».

«Нам очень нравится наш родной русский язык. Россия — это и родина Пушкина, а этот потомок Эфиопии запросто мог быть растаманом, ведь многие, являясь растаманами,— живут и умирают, не подозревая об этом».

«Если вы хотите положительных вибраций, чтобы подобреть, слушайте музыку: Bob Marley, Black Uhuru, Burning Spear, Steel Pulse, Aswad, Culture, Prince Far I, Peter Tosh, Max Romero, Lee Perry, JaKob Miller, Augusto Pablo, LKJ и другие».

«Очень сложно сейчас с духовностью в России. Раньше можно было верить в коммунизм или антикоммунизм. Но всегда находится запретный плод для надежды на обратное. У растаманов так: если я случайно надену рубашку наизнанку и кто-то сделает мне замечание, я буду эту рубашку только так и надевать да и вообще продолжать подобную практику... В развитых странах мои проделки никого не удивят, а в России? В России раста вечно будет в подполье... русские растафари, адаптированные к жизни в России, уникальны тем, что они, пожалуй, лучше всех во всем мире разбираются в сложных ситуациях. Талантом Джа Россию не обидел».

«Нас ужасает наступление фанатизма невежественных людей. В России сейчас главенствует большинство именно подобных тварей, которые прививают свою идеологию первичности денег над всем. Эти люди губят себя сами, заражая своим невежеством всю страну. Однако наука не может и не должна пользоваться репрессиями в отношении невежества».

«Растаман уважает любую религиозную форму даже в тех душах, которые не приемлемы его разумом. Церковь — это дом помощи для обделенных философией... Мы счастливы, потому что умеем смеяться. Смех – это наша философия».

«Растаман — это артист всех ролей в мире, он и трагик, и танцор, он и мистик, и шут. Он знает, что искусство такое огромное, что хватит и потомкам. Но он все равно стремится поглотить все искусство, какое есть в воздухе планеты, отчего его жизнь становится похожей на жизнь Сен-Жермена и Калиостро».

ОБЛИКО МОРАЛЕС

Главный растаман страны уверен: в России реггей сегодня любят больше, чем на Ямайке

Идеолог и основоположник группы «Джа Дивижн» Гера Моралес – растаман до кончиков дредов. Наверное, самых длинных в Москве. Гера – это гуру реггей-движения в России. Очень позитивный и добрый. Отвечая на личные вопросы, Гера смущенно смеется и закрывается от меня спутанными прядками черных волос. Рядом бегает десятилетняя копия Геры, на которую гуру смотрит с нескрываемой любовью. Еще есть 20-летняя дочь и кубинские гены, подарившие Гере смуглую кожу и любовь к Че Геваре. Правда, на Кубу, а уж тем более в Боливию Гера ехать не хочет. Он убежден: в России растаману жить гораздо интереснее. Ему виднее – Моралес один из первых, кто начал прививать нашей стране реггей-музыку и раста-культуру.

— В начале 90-х о том, что такое музыка реггей и как ее играть, не знал в России практически никто. Но было безумно интересно, и мы решили попробовать. Поначалу пытались делать что-то самостоятельно, но, даже несмотря на мои африканские корни, у нас ничего не получалось. Тогда мы стали расспрашивать о реггей африканских студентов, я нашел единственную кандидатскую диссертацию по растафарианству на русском языке, написанную Николаем Сосновским. Помогали и музыканты, например Саша Титов — басист группы «Аквариум», которая к 90-му году уже объездила весь мир: рассказывал нам о специфике музыки реггей.

— Как воспринимала новую музыку публика?

— После долгих лет культурного застоя интерес к новым видам музыки был колоссальным. Первое выступление группы «Джа Дивижн» было в Доме журналиста в 90-м или 91-м году. У нас была маленькая программка, песен на пять. Народу — полный зал. Нас сразу приняла продвинутая молодежь — панкующие подростки, меломаны, которые ждали этого явления. Помню, на первом концерте даже БГ был. А народ покондовее поначалу обращал внимание не на музыку, а на наш внешний вид. Увидев мои дреды, бабушки говорили «Господи» и крестились. Сегодня, когда музыка реггей в России на пике популярности, мы собираем большие залы. Нас любят и школьники, и банкиры.

— Русский менталитет способен воспринять музыку реггей?

— Если говорить о негативных сторонах русского менталитета, то это в первую очередь три «Х» — халтура, халява и хамство. Чем больше мы ощущаем себя европейцами, тем дальше уходят три «Х». Это плюс. Если этому помогает раста-идея и реггей-музыка, я только за развитие этой культуры. Нам свойственно выживать среди зимы, помня о лете и тепле, и верить в светлое будущее. А это и есть философия раста.

Философия раста очень оптимистична, она предполагает, что человек живет с улыбкой, дарит ее людям. Она учит человека быть человеком, а не зверем. Не жить по правилам остального мира, в котором всем управляют деньги, а обращать внимание на другие ценности — любовь, семью, духовность. Это очень актуально в наше время — народу нужен позитив. Любой человек, который начинает слушать реггей, находит очень хороший круг знакомых, свой микромир, где его никто не парит. То, что у нас сегодня народ интересуется реггей, что ему нравятся группы «Пятница», «Джа Дивижн», — это закономерно, просто люди ищут новые выходы, новые ценности после того, как их на протяжении десятилетий зажимали в Советском Союзе с его безумной системой. Люди наконец-то поняли, что продавать свою жизнь за кредитную карточку, ходя на работу от восьми до восьми, — это неправильно. Надо жить чем-то еще и рабствовать на работе хотя бы с удовольствием.

— Несет ли музыка реггей какие-то политические функции?

— Я считаю, что реггей-музыка и раста-идея стоят вне политики. Настоящий реггей — это молитва Создателю, молитва любви. Хотя многие апологеты реггей-музыки принимали определенное участие в политических событиях. Тот же Боб Марли. Могу рассказать одну историю. Началось все с пожара инвалидного дома на Ямайке, в котором сгорело очень много бабушек. Между двумя политическими партиями, которые обвиняли друг друга в поджоге, разгорелась гражданская война. И якобы несколько человек договорились сделать фестиваль, чтобы помирить партии. Решили пригласить Питера Тоша и Боба Марли — двух заклятых врагов. Они долгое время играли вместе, а потом Боб со всей зарплатой исчез. И на этом фестивале Боб Марли при помощи музыки помирил оппонентов. Но в принципе он никакой политикой не занимался. Он любил, у него было огромное количество детей от разных женщин, жил красиво, в футбол играл. От него и помер — ногу поранил.

Есть еще Линтон Джонсон — он коммунист, политикой занимается, у него такой серьезный бас, как у нашего Касьянова... Но это скорее исключение, нежели правило.

— А вас самого никогда не тянуло на политику?

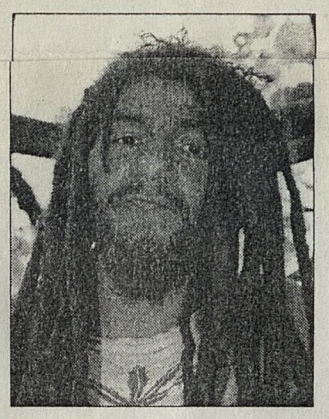
— Быть рядом с Путиным или Новодворской? Кто-то мне нравится, кто-то нет, но это не мое дело. Мое дело — заниматься другой политикой: появилось очень много групп, и моя задача — сделать так, чтобы они играли, выступали и диски выпускали. Вот это моя политика. Помогать поднимать русский реггей.

— А чем русский реггей отличается от ямайского?

— Если говорить именно о «Джа Дивижн», то бесшабашностью. У нас все музыканты — личности. Один с цыганами работал пять лет, другой в «Ленинграде» играет. Определенные законы, которые должны быть в музыке реггей, у нас не соблюдаются, мы же страна сумасшедшая, все вверх ногами. Кстати, на Ямайке реггей уже не слушают. Только турецкую попсу. Ямайку захватила иностранная музыкальная интервенция. Я думаю, что Россия — сейчас гораздо более продвинутое в области реггей место, чем Ямайка.

— Почему именно Боб Марли стал культовой фигурой в реггей?

— Оказался в нужное время в нужном месте с нужной тусовкой, с хорошим голосом. И к тому же он просто человек хороший, сильный. Его феномен разгадать сложно. Он что-то упростил, сделал поближе, ввел блюзовую гитару, за что ортодоксальные растаманы его не воспринимали. Я видел съемки последнего концерта Боба Марли в Германии в 80-м году. Он очень эксцентрично ведет себя на сцене: прыгает, физиономии делает, танцует гениально, жену свою целует. Он всегда был способен удивлять.



— Какой-то музыкой, кроме реггей, вы интересуетесь?

— Конечно. В реггей есть такое понятие: «позитив вабрейшн» — позитивное влияние музыки на публику. Если оно есть, то эта музыка имеет право на существование. Я иногда слушаю песни Анны Герман. Мне не нравится, что сейчас появляется так много электронных проектов, — мне кажется, это отрывает от живой человеческой души. Нет биения сердца.

— Как вы относитесь к группе «Пятница»?

— Очень талантливая, хорошая группа.

— В их музыке много элементов реггей. Хорошо ли, что реггей в массы несет группа с явным уклоном в попсу?

— Каждому свое. «Пятница» доносит свои идеи массам за счет попсовости. Мы играем рутс-реггей, молитвенный, религиозный, который нам совершенно в массы нести не надо, потому что массы не всегда отвечают адекватно. Наша публика — это друзья, поклонники, которые понимают глубокий смысл раста, и нам этого хватает.

— А вы считаете участников группы «Пятница» растаманами?

— По-моему, пока их нельзя так назвать. Растаман — это образ жизни. Я думаю, что Пушкин Александр Сергеевич прожил свою маленькую жизнь и не знал, что он был растаманом. А мы уверены, что только растаман может так красиво жить. Пушкин любил приходить в театр ко второму акту, с опозданием, у него был большой ноготь на мизинце — и на нем бархатный балахончик, и он его выставлял перед собой, чтобы все видели — вошел ПУШКИН! Это же панк! Ну если не панк, то точно наш человек.

— Я слышала, что у вас, как и у Пушкина, — нерусские корни...

— Мой папа-кубинец учился здесь в Высшей школе марксизма-ленинизма и посещал философский факультет МГУ. Там они с мамой и познакомились. Папу скучная русская действительность удручала — кубинцы же были безумно идейными. В МГУ даже драки были между вьетнамцами и кубинцами — какая революция правильнее. В 67-м году была попытка переворота в Боливии, и папа с радостью воспользовался возможностью смотаться в Боливию вместе с Че Геварой. В последний раз я видел его, будучи в пионерлагере от детского сада. Там был мост с дырками, через который мы должны были перейти, я испугался и полез к маме на руки. А он — истинный революционер — говорит: иди. Я в слезы, но как-то переполз. До сих пор боюсь мостов. А потом папа уехал в Боливию, и моя мама одна воспитывала меня и моего брата, ее сына от английского лорда. Наша грандиозная семья из сына революционера, сына лорда и их матери жила в огромной коммунальной квартире на 40 рублей. Мне кажется, что все-таки родители должны отвечать за своих детей, безотцовщина — это грешно. Я своего сына учу, чтобы он этого не допустил.

— А вам революционные идеи родителя не передались?

— А как же! Создать в России раста-движение — это и есть аристократическая, духовная, настоящая революция. А политические идеи меня не интересуют.

— То есть день рождения Че Гевары не отмечаете?

— Отмечаем! Концерты играем. Че Гевара для меня — это такой красивый образ, добрый дяденька, дружил с Гагариным, глаза хорошие. Я его просто с детства вижу. Наверное, мое первое слово было «Че»! Я прочитал его дневники, много литературы о нем, но мы живем в другом веке. Ехать в Боливию, где все граждане жуют кокосовые листья, и делать революцию — по-моему, это афера какая-то. Все равно что в Якутию ехать революцию делать. Зато после этой поездки в Боливию Че Гевара и после смерти живет. Сейчас у антиглобалистов на каждой майке Че Гевара. Какая связь? Для меня Че — это просто сказочный персонаж.

— Можно ли на реггей в России заработать деньги?

— Очень сложно. Вообще музыкантам в нашей стране сложно заработать на жизнь. Для этого надо проституировать — петь под фонограмму. Я не понимаю, как может наше телевидение показывать полный зал перед открывающим рот бездарем. Один человек надувает тысячу. Музыкант так поступать не может. А я в первую очередь музыкант, во вторую — растаман, в третью — отец семейства.

● Беседовала Алла ГЕРАСКИНА

6.07.03